

Широко закрытые глаза

Известия. — 2001. — 24 февр. — с. 9
Концерт «В сторону Шенберга»

Пианист Юрий Полубелов и певица Светлана Савенко посвятили свою программу одному из самых безусловных явлений в музыке XX века — додекафонии. И попытались рассказать ее историю в обратном направлении, двигаясь от последствий к истоку.

Петр ПОСПЕЛОВ

Музыка великих нововенцев — тройки Шенберг—Берг—Веберн — не перестает находить своих апостолов в лице современных исполнителей. Дуэт Юрия Полубелова и Светланы Савенко сложен из двух контрастных сущностей — интуитивной и рациональной. Если Полубелов, еще даже не услышав в его исполнении ни одной ноты, можно прямо сесть в Вену 1910-х, то Савенко являет собой абсолютно современный и земной тип. Он — утонченный пианист, она — образованнейший музыковед и аннотацию к концерту пишет сама, признавая авторство программы за партнером. Он засыпает в звуках, возникающих словно помимо него, она будит его ясной, безукоризненной интонацией, иногда чуть обозначая ноты, иногда ярко их выпевая; в отличие от многих голосистых вокалистов, бездумно расходующих дары своей природы, Савенко превращает в легкость голоса легкость ума. Партнеры нашли друг друга уже года четыре назад и спели не одну редкую программу.

На этот раз их предметом стала додекафония. Метод сочинения на основе двенадцати неповторяющихся тонов, сформулированный Арнольдом Шенбергом в 20-е годы, — любимое по-

ле музыковедческих исследований. Изучать его легко: выявил структурный порядок, нарисовал пару схем — дело сделано. Сочинять по нему тоже нетрудно: уж больно хороша система, сама собой гарантирующая гармонию и связность элементов, что и продемонстрировали сочинения нашего современника Леонида Гофмана, открывшие программу. Гофман пишет образные Вариации и образцовые миниатюры на собственные тексты, краткие, как хокку, а в более пространственных песнях кооптирует в разреженный додекафонный стиль мелодический стих Мандельштама.

От Гофмана пошли вспять к его учителю Филиппу Гершковичу. Среди его Трех пьес 60-х годов вторая (шаги, от них растут следы длинных нот) оказалась маленьким шедевром, показав, что Гершкович был не только додекафонным наставником целого поколения, но и обладателем большого таланта.

Свою ученость Гершкович привез в Россию из Вены от Антона Веберна, создавшего наиболее совершенные, законченные образцы додекафонного письма, от которых потом пошел европейский структурализм. Здесь-то и стало понятно, что заходить к Веберну в принципе можно было с разных концов. Его последователи, в концерте не представленные (на-

Светлана Савенко и Юрий Полубелов

пример, Пьер Булез и Карлхайнц Штокхаузен), довели в послевоенные годы систему додекафонии до логического предела: они подчинили тому же порядку чередования неповторяющихся значений не только высоту нот, но и ритм, и тембр, и громкостную динамику. Гершкович и Гофман, в отличие от них, не помышляли о радикализме, в своих опусах предпочитали

слышать скорее связь с музыкой прошлых веков, нежели ее коренное переосмысление. Поэтому Веберн звучал современнее своих потомков — в вокальных циклах на стихи Хильдегард Йоне (один из опусов, с птичками и Иисусом, по русской традиции повторили целиком) или эталонных фортепианных Вариациях, где Полубелов чаровал левой педалью.

Во втором отделении пришли наконец к Шенбергу, но сначала спели его ранние, еще не додекафонные песни из «Книги висячих садов» на стихи Штефана Георге. Американский критик Дэвид Шифф как-то доказывал, что творчество Шенберга питается скрытой сексуальностью (Стэнли Кубрик в своем последнем фильме «Широко закрытые глаза» пытался проникнуть в те

же дебри венского подсознания); можно добавить ему аргументов, заметив, что Шенберг относился к женскому голосу как к телу, заставляя физиологически метаться от крайнего низкого регистра к крайнему верхнему, что чувствовалось даже в строгом исполнении Светланы Савенко. Темной чувственностью были проникнуты и песни Альбана Берга, в том числе и строго додекафонная «Закрой мне глаза»: от их тайного действия или же последовав венской моде начала века на самоубийства покончил с собой стоявший на балконе прожектор, издав оглушительный звук аккурратно в перерыве между песнями.

Двигаясь «В сторону Шенберга», Полубелов и Савенко завершили концерт его Песнями опус 48, где строгая система в полном блеске смыкается с романтическими образами поэзии Якоба Харингера, а мелодический рисунок — с независимым ритмом аккомпанемента. А потом сделали шаг «в сторону от Шенберга», вглубь веков: на бис спели песню учителя Шенберга Александра Цемлинского. Вообще говоря, если петать бис за бисом, то можно логично дойти до Бетховена, потом до Баха и забраться еще дальше. Если же потом повернуть снова вперед, то приведет ли нас прямая дорога к Шенбергу (а потом к Гофману) или мы окажемся на одной из соседних расходящихся тропок истории? Выстроив программу в обратном направлении, Светлана Савенко и Юрий Полубелов умышленно оставили этот вопрос без ответа.

Полубелов Юрий